

От автора: Эта глава может быть тяжелой, для чувствительных натур, так как она содержит удручающее содержание, оскорбления и пытки.

Время странное в тюрьме, у вас есть все время в мире, но оно движется медленно. Монотонность смешивает время, становится трудно различить дни, потом недели. Если бы я был здесь дольше, я готов поспорить, что месяцы и годы также смешались бы вместе, и это ужаснуло меня. Рутинa становится всем, вы начинаете использовать ее, чтобы судить о времени суток и днях друг от друга.

Но когда рутинa нарушается, большая или маленькая, это очевидно и тревожно. Мой распорядок дня состоял не только из приема пищи, допросов и редких визитов соцработника. Кроме того, в мои обязанности входила попытка связаться с Келли после допроса или встречи с соцработником, а затем разговор до поздней ночи.

Один из нас вынимал пробку с нашего конца отверстия и кричал достаточно громко, чтобы кто-то на другом конце услышал, но больше никто. Прошло восемь дней с тех пор, как я в последний раз видел мисс Кларк, и с позавчерашнего дня я не мог связаться с Келли. Я чувствовал, что мое горе растет с каждым часом.

Я провел большую часть прошлой ночи, расхаживая по камере, забираясь на свой стол и пытаюсь связаться с ней через каждую тысячу шагов. Я стоял на своем столе, пытаюсь позвать ее через нашу дыру, пока у меня не подкосились ноги.

Я знал, что они забирали ее из камеры каждые несколько дней, чтобы сделать то, что заставило бы серийного убийцу вздрогнуть, но они всегда возвращали ее в тот же день. Всегда.

В первую ночь я просто надеялся, что они случайно убили ее, и ей просто потребовалось больше времени, чтобы прийти в себя. Это звучит ужасно, я знаю, но она бы выжила, и это

объяснило бы ее молчание. На вторую ночь, однако, я сомневался в этом, я не слышал стонов боли или приглушенных рыданий. Только тишина.

Моя утренняя еда так и осталась недоеденной на подносе, я должен был уже вернуть его, но сейчас это было неважно. Я не принял душ и не сменил комбинезон. Сейчас они тоже не были важны. Я даже не считал Миссисипи, просто... у меня не хватило духу заботиться о ней, когда она пропала.

Наверное, это было неудивительно, учитывая, насколько я был взвинчен, но я подпрыгнул, когда интерком ожил для моего допроса.

- Ты готов поговорить? - спросил трескучий голос моего дознавателя. Я был уверен, что у меня только один следователь, несмотря на искажение интеркома.

- А мисс Кларк придет? Я хочу поговорить с мисс Кларк! - Обычно она приходила примерно раз в семь-девять дней, и я знал, что она может помочь. Может быть, она знала, что происходит. Может быть, она уже вытащила Келли. Она могла бы мне сказать!

- Она больше не будет навещать тебя. - Это заявление прозвучало окончательным эхом. Мое сердце остановилось. Мне казалось, что воздух, которым я дышал, превратился в воду. Топит меня.

- Что?! Почему? Мне нужно поговорить с ней! Она моя соцработница! - Я умолял, она мне нужна. Она была единственной, кто мог помочь.

- Плохие вещи случаются, когда маленькие монстры открывают свои рты и лгут, - насмешливо произнес голос, сочащийся самодовольством и жестокой радостью.

- Она не вернется и ни с кем не будет разговаривать....

Они знали! Они знали, что я сказал мисс Кларк! Была ли Келли в безопасности? Успокойся, Робин, они не могут убить ее навсегда. Они не могут правильно?

- А где Келли?? Что ты с ней сделал?

- Ее перевели ... - начал голос, - в отличие от такого монстра, как ты, она полезна. Подумайте обо всех нормальных людях, которым она поможет, как только мы выясним, как она лечится и воспроизводит себя. Конечно, я сомневаюсь, что ей понравится научный метод. Ей не понравилась наша предварительная работа.

- Так вот кто мы для тебя? Монстры и лабораторные крысы? Мы же люди! Ты не можешь этого сделать! У нас есть права! У нас есть жизнь и мечты! - Я надеялся, что в его сморщенном сердце осталась хоть капля сочувствия, человечности.

Его холодный смех, резкий от искажения интеркома, пронзил меня насквозь.

- Вы уроды. Есть два типа уродов: полезные уроды вроде твоей подруги Келли и бесполезные уроды вроде тебя. Я сомневаюсь, что кто-то снаружи будет заботиться или скучать по тебе.

- Ты здесь настоящий монстр, - с горечью обвинил я его, вероятно, он наслаждался моим горем. Нет, я знал, что он наслаждался моим горем, он наслаждался тем, что мучил меня все это время. Я знал его тип, я встречал свою долю взросления, тип человека, которому нравилось не только иметь власть над кем-то, но и использовать эту власть, чтобы причинить ему боль.

Настоящие монстры были людьми.

- Думай, что хочешь. Я не тот, кто находится в темной дыре в земле, и это интервью закончилось. Надеюсь, тебе понравится гость, которого мы пригласили - интерком отключился, как и все мои надежды.

Лифт в конце коридора звякнул. Крошечная часть меня ждала щелчка каблучков Мисс Кларкс, но я знал, что это не она.

Мерцающий синий свет, сопровождаемый электрическим треском, сопровождаемый тяжелыми шагами приближающегося посетителя, становился все ближе.

"Гость" появился в поле зрения и начал хихикать от удовольствия, когда он увидел меня. Вошел Якоб Адлер в том же синем тюремном комбинезоне, что и я. Над порезом в его руке лежал шар потрескивающей синей молнии, которую он использовал, чтобы осветить темное пространство. Я почувствовал слабый заряд электронного устройства, прикрепленного к его нагрудному карману. Камера.

- Ну посмотри, что я тут нашел! Теперь, когда охранники просят меня оказать им услугу, это просто бизнес. Я чешу их спины, они чешут мои. Но когда мне сказали, что я встречу с человеком, который поместил меня сюда, а потом дал мне твое досье, ты можешь догадаться о моем удивлении. И будь я проклят, я бы никогда тебя не узнал. Вот ты немного заблудившаяся лань в темноте. Маленький Джон. Доу. Смит, - насмеялся он, проговаривая мое старое имя, одно слово за другим.

- Его лицо расплылось в озадаченной ухмылке - если бы только Андерсоны могли видеть тебя сейчас, маленький странный пидористический монстр. Это хорошо, когда работа становится игрой, я буду иметь много веселья с тобой...

Потрескивающий шар молнии в его руке раздулся, и холодный пот побежал по моей спине от хищной улыбки, которую он носил.

Все должно было стать еще хуже...

* * *

Я был в полном беспорядке. Мне так захотелось. Я выглядел именно так. Наверное, и пахло так же. Наверное, пахнет кислым потом и горелым мясом.

Последние девять дней Якоб ежедневно посещал мою камеру. Моя кожа была лоскутным одеялом из разного рода ожогов, фигуры Лихтенберга бежали под моими кружащимися татуировками, как деревья в темном тумане. Я кашлял кровью, и мои внутренности кричали, я сомневался, что остался какой-то главный орган, кроме моего мозга, который не был сожжен.

Вообще-то, забери свои слова обратно, я не уверен, что мой мозг остался невредим. Периодические мышечные спазмы, подергивания ног и трясущиеся руки говорили об обратном.

Мое сердцебиение все еще пропускало случайные удары, прежде чем застучать, как шаги спринтера, когда он догонял. Наверное, результат вчерашней пытки, когда мое сердце ненадолго остановилось. После этого его отозвали.

Я уже начал думать, что у меня самого есть какая-то небольшая способность к исцелению, несмотря на всю боль, у меня было не так много ожогов, как следовало бы, и я все еще был жив. Пока.

Вы, вероятно, задаетесь вопросом, почему я не сопротивлялся или почему я не потерял контроль и не взорвался снова, как в ту ночь, когда я повернулся, истощая все источники энергии вокруг меня. Что ж...

Я вспомнил, как в первый раз, когда он посетил мою камеру, предупреждение, которое он дал мне, было довольно ясным.

- Как, говорят, зовут твоих друзей? Нелли? Шелли? Элли? Ах, это верно, Келли! Если ты будешь сопротивляться, если причинишь мне вред, если эта маленькая камера погаснет, или ты потеряешь контроль, я не могу обещать, что с ней не случится ничего плохого. Если то, что они говорят, правда, есть много вещей, которые можно сделать с бессмертным регенератором... - пригрозил он.

Они действительно знали, как добраться до меня И... я, наверное, заслужил это, наверное, это моя вина, что Келли ушла, и определенно моя вина, если что-то случилось с мисс Кларк. Я рассказал ей о Келли. Лучше уж такой монстр, как я, погибнет, чем причинит ей еще больший вред.

Я уверен, что там были люди, наблюдающие через камеру на его груди. Если я буду сопротивляться, использовать свои силы, они увидят и изучат их. Если я этого не делал, то меня пытали, что, я думаю, было совершенно нормально для них. Эти ублюдки, вероятно, все еще получали данные от моего сотрудничества.

Когда меня ударили, мой естественный инстинкт, казалось, был поглощать электричество, которым он набрасывался на меня, но это было то, что привело меня сюда в первую очередь, пожирая его атаки. Если я просто поглощу его атаки, то снова потеряю контроль. Я не готов рисковать снова оказаться в энергетическом безумии, к тому же я знал, к чему это приведет.

Неприятности, как для меня, так и для Келли, где бы она ни была.

Поэтому я изо всех сил старался этого не делать. Мне захотелось сжать живот в ожидании удара. В какой-то степени это сработало, но я уверен, что мне не нужно просить вас представить, как трудно держать образную мышцу сжатой, крича на полу в агонии. И когда я потерял контроль над своей поглощенностью, это сработало.

Несколько сеансов я чувствовал, что приближаюсь к порогу, как ваш желудок после переедания, ведро, готовое переполниться, или батарея с слишком большим зарядом. Часть моего черепа все еще была покрыта струпьями, с заплаканной кровью, запекшейся на волосах, после того, как я ударился головой о бетонный пол, чтобы не потерять контроль.

Якобу не понравилось, что я лишил его удовольствия, и он жестоко компенсировал это на следующий день, закончив тем, что случайно остановил мое сердце. Я могу честно сказать, что почувствовал некоторое облегчение, когда мое зрение потемнело, прежде чем он возобновил его с паническим ударом.

Я ел с трудом, мне было слишком больно, чтобы проглотить больше пары глотков. Я принял душ, но не стал умываться, а просто сидел под каплями, позволяя им остудить мои ожоги и смыть кровь из лопнувших капилляров. Расческа мисс Кларк лежала нетронутой, я не заботился о том, чтобы привести себя в порядок, и она стала для меня чем-то вроде сувенира.

Интерком на другом конце комнаты зажужжал, и я подтащил свой промокший труп к столу и сел с мокрым хлюпаньем. Голос, этот искаженный голос моего мучителя вопил в жизнь: - «наслаждаешься своим социальным временем, урод?»

Я промолчал. Я не собирался давать ему желаемую реакцию.

- Не собираешься просить милостыню? Плакаться мне? С тобой не весело. И все же ты доказал, что можешь сотрудничать. Может быть, у тебя еще есть надежда, в отличие от большинства таких, как ты.

Похоже, мой следователь был больше заинтересован в разглаговольствовании о том, что произошло, чем в допросе меня сегодня. Не то чтобы я возражал, что это своего рода передышка, может быть, они не пошлют Якоба сегодня. Я слегка оживился от этой мысли. Теперь он разглаговольствовал о появившемся преступнике и о том, что они представляют опасность для всех.

Этот парень, казалось, патологически ненавидел нас, не то чтобы я уже не понимала этого.

- Мы собираемся собрать всех вас, уродов, и классифицировать ваши способности, а затем зарегистрировать вас, чтобы вы не могли действовать. Что бы вы ни говорили. Мы даже объявили о системе классификации, которую мы разработали и тестировали ранее сегодня.

Я продолжал молчать, давая ему то, что он хочет. Нет никакой причины обрушивать его гнев на меня или других.

- Все еще молчишь? Ну, я думаю, ты учишься своему месту. Некоторые из них уже разослали манифест в интернете и передали его вещателям в ответ на эти объявления. Какой-то урод под именем Непокоренный*.

* вообще в Камми Кетту я его ник не переводил, там он был Унбоу, что можно расценивать как Непокоренный, Непоколебимый, Несгибаемый и еще пару десятков подобных эпитетов, плюс ко всему его еще называли там Ал (для друзей) а девчонки вообще называли его молочный папа, молочник и прочее, прочее, короче имен у этого перса вагон и два мелких прицепа.

- Он посмел угрожать нам нормальным людям!? Мы просто делаем то, что нам нужно, чтобы предотвратить захват власти вашим видом. Это только время, прежде чем они узнают свои

места, как ты, - усмехнулся голос.

Это было все, что я мог сделать, чтобы не разрушить интерком, клубок беспокойных теней вырос в моей руке, борясь за освобождение. Я заставил себя вспомнить, что он был вне моей досягаемости, но он все еще мог причинить мне боль. Или Келли...

- С такой побитой собакой, как ты, шутки плохи, - раздался в интеркоме скрип стула, когда кто-то встал, прежде чем все стихло.

Я рассмеялся в темноте, он дал мне то, что я потерял. Мотивацию. Я был достаточно зол, чтобы сделать что-нибудь, что угодно! Может, я и не смогу сопротивляться, но уж точно не собираюсь быть побитой собакой для его развлечения. Мне нужно было выбраться отсюда.

Пробиваться наружу было, наверное, плохой идеей, у них были пистолеты, и я не думаю, что смогу поглощать пули. Побег был почти невозможен, каждый план, придуманный Келли и мной, был в лучшем случае фантастическим, в худшем-самоубийственным.

Я вспомнил все тренировки по выживанию, через которые меня заставили пройти мои приемные родители, помешанные на заговорах. С их постоянным страхом перед ядерными войнами, правительственными репрессиями, апокалипсисами, гражданскими войнами и революциями я был вынужден терпеть уникальное образование вне школы. Навигация, чтение карт, сигналы и связь, охота, основные электромонтажные работы, как найти или сделать чистую воду, как построить или собрать инструменты из моего окружения и другие средства выживания.

Как раз пришло время попробовать использовать это дерьмо. Я буду наслаждаться иронией позже, если их обучение действительно поможет мне выбраться отсюда.

Первым шагом было оценить свое окружение. Я был по крайней мере на 2 уровнях под землей, Келли сказала, что это административный блок. Моя камера была одной из нескольких на этом этаже, все были пусты, кроме моей.

В моей камере было три бетонных стены, а четвертая представляла собой стальные прутья, утопленные в бетон. В полу моей камеры был небольшой слив, а в душе-еще один. На уровне не было ни молнии, ни отопления, инфраструктура была там, но цепи были более чем выключены, я чувствовал, что они были отключены. На полу было три контура, которые я мог чувствовать, интерком, который был выключен, микрофон около лифта на другом конце этажа и длина аварийного освещения полосы, идущей вдоль пола коридора, с достаточным количеством света, чтобы быть видимым, а не освещать что-либо.

Мебель была сделана из нержавеющей стали и либо привинчена болтами, либо приварена к бетонному полу. Моя кровать представляла собой металлическую плиту без пружин. Мой матрас представлял собой рваную простыню из пенопласта. У меня была куча разорванных одеял и несколько новых.

Первой моей мыслью было забить тряпками канализацию в камерах и оставить воду течь, пока не пришлют кого-нибудь вниз, но они могли легко отключить воду в другом месте, а в других камерах были канализации. Цепи были снабжены ограничителями, поэтому я не мог использовать их для питания или перезарядки.

Я даже слегка потянул за полосу освещения, прежде чем остановиться и отпустить, как резинку. У меня появилась идея. Вероятно, это было так же легкомысленно, как и некоторые наши с Келли планы. Я вспомнил свои уроки сигналов и азбуку Морзе, могу ли я выстукивать сообщение, потянув за питание схем? Сможет ли он выйти за пределы тюрьмы, не утонув? Кто-нибудь вообще заметит это? Будет ли им до этого дело?

Черт, если бы я знал, но у меня не было других идей. Поэтому я начал создавать сообщение, которое мог бы передать с помощью азбуки Морзе, как телеграмму. Сигнал бедствия. Я закончил царапать точки и черточки в стене моей камеры шипом. Пора было начинать.